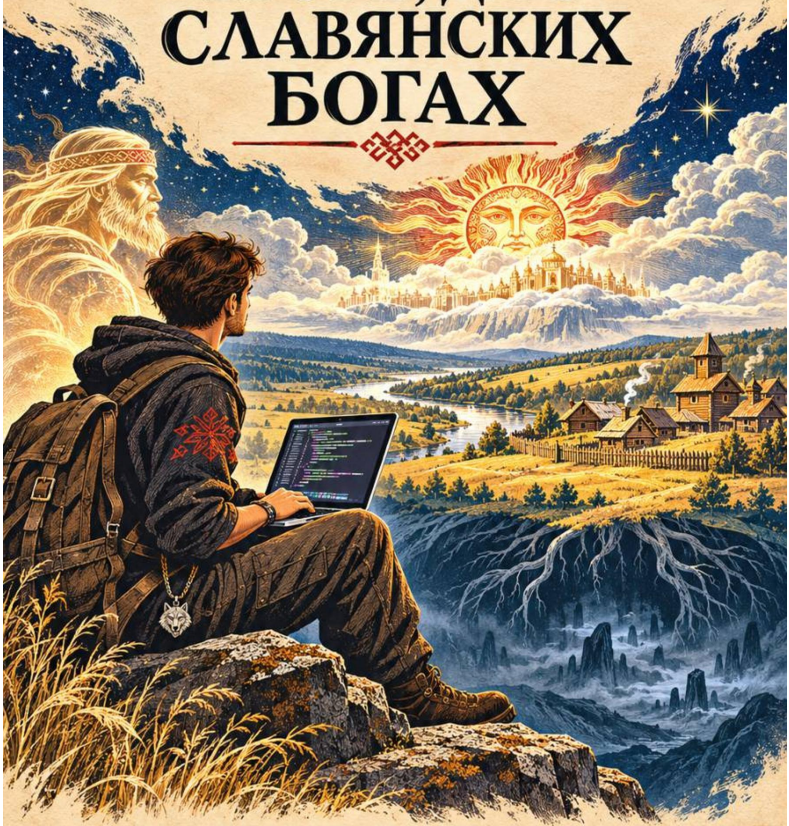
Р.И. Дюбков

СКАЗ О ПРОГРАММИСТЕ ЕГОРЕ, ДА О СЛАВЯНСКИХ БОГАХ



Роман Дюбков

Сказ о программисте Егоре, да о славянских богах

https://litres.ru/75019892
SelfPub; 2026

Аннотация

Обычный программист Егор не верил ни в богов, ни в судьбу — пока не открыл бабушкину жестяную коробочку из-под леденцов. Старый амулет переносит его в Правь, где славянские боги берутся обучить последнего наследника древнего рода: видеть нити судьбы, ковать себя, любить без гордыни, отпускать потери и защищать близких.

Но у тьмы есть имя, и она наблюдает за ним. Кощей Бессмертный, сын Чернобога, веками питается страхом и ложью, влияя на мир людей. Похитив Катю — последнюю из проклятого светлого рода, возлюбленную Егора — он бросает ему вызов. Чтобы спасти девушку, герою с помощью Бабы-яги, преподавательницы йоги, предстоит пойти к дубу, оси мироздания, где ему помогут боги, и победить не силой, а сердцем — сломав иглу Кощея, отпустив гордыню, страх и приняв тьму как часть себя.

Это славянское фэнтези о том, что боги — не на облаках, а в каждом камне и чувстве, о любви, которая не спасает, а просто

рядом, и о том, что Утро Сварога начинается с одного человека, выбравшего свет.

Содержание

Часть первая. Ученик. 5
Пролог. Амулет. 5
Глава 1. Встреча с Велесом. 9
Глава 2. Нити Макоши. 12
Глава 4. Тропа Лады. 34
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Роман Дюбков
Сказ о программисте Егоре, да о славянских богах

Часть первая. Ученик.

Пролог. Амулет.

Бабушка умерла во вторник, в половине шестого утра.

Егор узнал об этом по телефону — короткий, слишком официальный звонок из больницы, женский голос с интонациями автоинформатора: «Примите наши соболезнования, можете приехать за вещами». Он стоял посреди кухни в трусах и майке, смотрел на закипающий чайник и пытался понять, почему вместо горя чувствует только глухое раздражение.

Чайник закипел и выключился с громким щелчком.

— Хорошо, — сказал Егор в трубку. — Спасибо, я приеду.

Он налил кипяток в кружку, бросил пакетик дешёвого чая и сел на табуретку. На столе лежал ноутбук с открытым кодом — он вчера до трёх ночи пытался отловить баг в одном

хитром алгоритме. Баг не ловился, код не компилировался, а теперь ещё и это.

Бабушке было восемьдесят семь. Всё было ожидаемо. Тогда почему он злится? Егор допил чай, даже не почувствовав вкуса, и пошёл одеваться.

Больница встречала запахом хлорки и тоски. Егор прошёл по длинному коридору мимо поста медсестры, где толстая женщина в очках заполняла какие-то бумаги, и свернул в отделение, где лежала бабушка. Он был здесь три дня назад — сидел у кровати, смотрел, как она спит, и чувствовал себя чужим. Они никогда не были особенно близки. В детстве он проводил у неё каждое лето, но потом школа, институт, работа — и встречи сократились до обязательных «с днём рождения» и новогодних звонков.

Слишком разные миры. Она — со своими травами, странными приметами, шёпотом по углам и старыми иконами, за которыми, кажется, прятались какие-то другие, нехристианские символы. Он — с C++, нейросетями и железобетонной уверенностью, что мир описывается формулами и не терпит чудес.

— Егор Николаевич? — медсестра лет сорока с усталым лицом протянула ему полиэтиленовый пакет. — Вещи вашей бабушки, соболезную.

— Спасибо.

Пакет был лёгким. Егор заглянул внутрь: старая ночная рубашка, тапки, полотенце, расчёска и маленькая жестяная

коробочка из-под леденцов, которую он помнил с детства. Коробочка всегда стояла у бабушки в комоде, и ему никогда не разрешали её открывать.

В автобусе по дороге домой он сидел у окна, сжимал пакет на коленях и смотрел на серый ноябрьский город. Моросил дождь, люди внизу бежали по лужам, натянув капюшоны. Жизнь продолжалась.

Егор поймал себя на мысли, что не знает, что теперь делать. Бабушкина квартира в старом районе теперь должна перейти ему. Нужно будет разобрать вещи, решить, что оставить, что выбросить.

Он вспомнил, как в прошлый приезд бабушка смотрела на него и тихо сказала: «Ты совсем ничего не помнишь, Егорушка, ничего не чувствуешь. Память рода — она как река, если запруду поставить, она или затопит всё, или уйдёт в пески. А ты её бетоном залил».

Он тогда отмахнулся: «Баб, ну какие рода? Двадцать первый век на дворе. У меня работа, ипотека, никаких рек». Бабушка только покачала головой.

Квартира встретила его запахом пыли, пустоты и лекарств. Егор прошёл на кухню, поставил чайник, сел на старый диван с деревянными подлокотниками и высыпал содержимое пакета на стол: рубашка, тапки, расчёска, полотенце, коробочка.

Он взял коробочку в руки. Металлическая, с облупившейся красной краской, на крышке — едва различимый тиснё-

ный узор. Егор попытался открыть — крышка не поддавалась, будто прикипела за десятилетия. Он надавил сильнее, крышка подскочила с тихим щелчком, и Егор выдохнул — сам не заметил, как задержал дыхание.

Внутри на выцветшей бархатной подушечке лежала фигурка. Небольшая, с мизинец, отлитая из тёмного, почти чёрного металла. Егор повертел её в пальцах — вроде бы волк, но странный, с длинной мордой и внимательными глазами-точками. А может, и не волк. Пёс? Или кто-то ещё?

Он хмыкнул. Бабушкин хлам, наверное, какой-то оберег, которым её собственная бабка детей пугала. Надо будет выбросить или продать каким-нибудь эзотерикам на Авито.

Он хотел положить фигурку обратно, но замер. Металл под пальцами вдруг стал тёплым, потом горячим, потом обжигающим.

— Чёрт!

Егор разжал пальцы, но фигурка не упала, она будто прилипла к ладони. Он попытался стряхнуть её, ударил рукой о край стола — бесполезно.

А потом мир выключился. Он не потерял сознание — именно выключился, как телевизор из розетки. Только что был свет, звуки, запах бабушкиной кухни — и вдруг ничего: тишина, темнота, пустота.

Глава 1. Встреча с Велесом.

А затем из темноты проступили звёзды. Их было так много, что у Егора закружилась голова. Они висели со всех сторон — сверху, снизу, слева, справа — огромные, холодные, равнодушные. Он попытался сделать шаг и понял, что стоит на чём-то твёрдом, хотя под ногами — только бездна.

— Твою ж дивизию, — выдохнул он. — Глюки, переутомление, мне нужно поспать.

— Поспать ты всегда успеешь, — раздался голос откуда-то справа. Низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой. — А вот разбудить тебя, внучок, было той ещё задачкой.

Егор резко обернулся. В двух шагах от него стоял мужчина, обычный с виду — лет пятидесяти, с короткой седой бородой, в простом тёмном свитере и джинсах, но глаза... глаза у него были странные. В них тоже горели звёзды.

— Я вам не внучок, — машинально огрызнулся Егор. — Кто вы вообще такой? И где я? Это сон? Компьютерная симуляция?

Мужчина усмехнулся — как взрослый усмехается наивному ребёнку.

— Симуляция, — повторил он с удовольствием. — Хорошее слово. Люблю я вас, нынешних, за словечки. Всё-то у вас симуляции, алгоритмы, коды... а мир, он, знаешь ли, постарше будет и посложнее.

Он сделал шаг вперёд и протянул руку. На ладони лежала та самая фигурка — волк-не-волк.

— Узнаёшь? Бабушкин подарок. Точнее, не подарок — наследство. Ты теперь носитель, Егор, последний в роду.

Егор отступил на шаг и провалился бы в звёздную бездну, если бы мужчина не схватил его за локоть. Хватка оказалась стальной.

— Осторожнее, — без тени беспокойства сказал он. — Падать тут больно. Не насмерть, конечно, но ощущения неприятные. А насчёт того, кто я... — он улыбнулся, и от этой улыбки у Егора по спине пробежал холод. — Зови меня Велес, а звать меня, внучок, придётся часто. У нас с тобой много работы.

— Какой работы? — Егор попытался вырвать руку, но бесполезно. — Я программист. Я пишу коды. Я ничего не понимаю в... во всём этом!

— Вот и славно, — кивнул Велес. — Чистое сознание, незамутнённое предрассудками, так и должно быть. Пойдём, провожу тебя к старшим, учиться будешь у них, а то Макошь уже заждалась, у неё там пряжа путается, без тебя не распутать.

— Я не умею распутывать пряжу!

— Пряжу, может, и не умеешь, — согласился Велес. — А судьбы? Это, знаешь ли, почти как твои алгоритмы, только живые, и баги в них посерьёзнее будут.

Звёзды вокруг начали кружиться быстрее, и Егор почув-

ствовал, что его тянет куда-то вниз, в воронку из света и тьмы.

— Постойте! — крикнул он, пытаясь уцепиться взглядом за лицо Велеса. — Это что, всё правда? Боги? Род? Бабушка не сумасшедшая была?

Велес на секунду стал серьёзным.

— Сумасшедшая? Нет, Егор. Она была последней, кто помнил, кто видел, кто держал нить, а теперь нить у тебя, и, если ты её порвёшь — порвётся всё. Понимаешь?

Егор не понимал совсем ничего, но воронка уже затянула его целиком. Последнее, что он увидел перед тем, как провалиться в беспамятство, — глаза Велеса, в которых горели миллионы звёзд, и его тихий голос:

— Добро пожаловать домой, наследник.

Глава 2. Нити Макоши.

Егор открыл глаза и некоторое время просто лежал, глядя в потолок. Потолок был странный. Во-первых, он был деревянным — тёмные, массивные балки, уходящие куда-то вверх. Во-вторых, по балкам вились резные узоры: звери, птицы, переплетённые ветви. В-третьих, от потолка исходило слабое свечение — не электрическое, а какое-то тёплое, золотистое, будто дерево само по себе светилось.

— Это не моя квартира, — констатировал Егор вслух.

Голос прозвучал глухо. Он сел и осмотрелся. Комната оказалась не то избой, не то теремом. Вдоль стен — широкие лавки, покрытые расшитыми покрывалами, в углу — печь, огромная, белая, с затейливыми изразцами, на окнах — кружевные занавески, за ними — густая синева, будто за окном не улица, а космос, на столе — глиняная кружка, от которой поднимается пар, и ломоть хлеба на деревянной тарелке.

— Доброе утро, славный витязь! — раздался насмешливый голос.

Егор дёрнулся. На лавке у окна сидел парень. Лет двадцати с небольшим, но только меньше ростом, чем обычные люди, длинные светлые волосы перехвачены ремешком, одет в льняную рубаху и простые порты. На поясе — нож в красивых ножнах. На лице — широченная ухмылка.

— Ты кто? — спросил Егор.

Парень вскочил и отвесил шутовской поклон.

— Я-то? Я тут вроде как приставлен к тебе. Проводник, стало быть, помощник, нянька, если хочешь. Велес велел встретить, показать хозяйство и проследить, чтоб ты с дуба не рухнул от удивления. Зови меня Ждан.

— Ждан?

— Ну да, потому что ждали, долго ждали. — Ждан подошёл ближе и с интересом уставился на Егора. — О! А ты ничего такой. Я думал, последний наследник будет потрёпаннее, а ты вон какой... гладкий. В городе, что ли, жил?

— В городе, — автоматически ответил Егор. — В Екатеринбурге.

— А, понятно, — сказал Ждан.

Он вдруг подал Егору кружку.

— На, выпей взварец, голова пройдёт, мысли соберутся.

— Какая голова? У меня голова не болит.

— А ты всё равно выпей. Ты ж через миры переходил, у тебя сейчас энергетические каналы знаешь, как скрутит? Пей, не бойся, не отрава.

Егор взял кружку, понюхал. Пахло травами, мёдом и чем-то ещё, неуловимо знакомым. Он сделал глоток — и правда, полегчало. Где-то на периферии сознания отпустило непонятное напряжение, о котором он даже не подозревал.

— Спасибо, — буркнул он.

— Пожалуйста, — просиял Ждан. — Ну что, пойдём? Макошь ждёт, а Макошь лучше не злить: она хоть и добрая, но,

если что не так, — ниточку твою судьбы так перекрутит, что потом до конца жизни распутывать будешь. Шучу, — добавил он, видя лицо Егора, — или не шучу. С богами никогда не знаешь наверняка.

Они вышли из избы — и Егор забыл, как дышать. Они стояли на вершине холма, внизу расстилалась долина, по которой вилась серебряная лента реки. За рекой — зелёные леса, за лесами — синие горы, за горами — небо, но небо было не просто небом. Оно переливалось всеми цветами, какие только существуют, и время от времени по нему пробегали золотые искры, словно кто-то невидимый рассыпал звёздную пыль.

— Красиво, да? — с гордостью спросил Ждан. — Это Правь. Не вся, конечно, кусочек, Макошины владения, а вон там, за лесом, Перунова гора. Видишь, вершина в облаках? Это он там тучи гоняет. Гроза у него сегодня, между прочим. Так что, если гром услышишь, не пугайся — это просто он тренируется.

— Правь... — повторил Егор. — То есть я реально в славянском раю?

— В Прави, — поправил Ждан. — Рай — это христианское, а у нас Правь и Ирий, мир богов, ну и не только. Хотя жить здесь и правда неплохо: климат мягкий, соседи культурные.

Егор хотел задать следующий вопрос, но тут по небу полоснула молния. Яркая, белая, она ударила где-то за лесом,

и через секунду докатился гром — мощный, раскатистый, отдавшийся в груди.

— О, началось, — беззаботно сказал Ждан. — Пойдём, а то опоздаем. Макошь не любит, когда опаздывают.

Он бодро зашагал вниз по тропинке. Егор, помедлив секунду, двинулся за ним.

— Слушай, Ждан, — спросил он на ходу, — а кто ты вообще? Тоже бог?

Ждан рассмеялся — звонко и заразительно.

— Я? Бог? Ну ты скажешь. Я домовой. Точнее, был домовым. У вашей бабушки в доме жил. Потом она ушла в город, а теперь вот... — он развёл руками, — тебя встречаю. Велес сказал, у тебя здесь никого знакомых нет, надо помочь освоиться, а я при бабке твоей столько лет прослужил — считай, почти родня.

— Домовой? — Егор остановился. — То есть... вы существуете? Домовые, лешие, водяные?

— А ты думал, сказки? — Ждан посмотрел на него с любопытством. — Слушай, а у вас там, в Екатеринбурге, что, совсем ни во что не верят? Совсем-совсем?

— Ну... — Егор замялся, — кто-то в Бога верит, кто-то в приметы, кто-то в гороскопы, а я в программировании работаю. Там вера не нужна, там код работает или не работает.

— Код, — задумчиво протянул Ждан, — это что-то вроде заклинаний?

— Вроде того, — усмехнулся Егор. — Только заклинания

пишут на понятном языке, а код — на языке машин, компьютеров.

Ждан выглядел совершенно очарованным.

— Вот это да! А меня научишь?

— Э-э... Попробую, но потом.

Они спустились с холма и вышли на ровную поляну, посреди которой стоял дом. На этот раз это был не терем, а скорее большая, добротная изба, но какая! Стены были увиты живыми цветами, крыша словно дышала — по ней пробегали волны, будто она была тканью, натянутой на невидимом станке, а из трубы вился дым, который, поднимаясь, сплетался в причудливые узоры.

— Пришли, — сказал Ждан и остановился. — Дальше я не пойду. Макошь тебя ждёт одна.

— А ты?

— А я тут посижу, на травке. Если что — кричи, — он подмигнул. — Но лучше не кричи. Она хорошая, правда.

Егор перевёл дух и толкнул дверь. Внутри было... странно. Он ожидал увидеть что-то сказочное — золото, серебро, самоцветы, а увидел обычную, даже уютную комнату: печь, стол, лавки, в углу — прялка, и женщина, сидящая за прялкой.

На вид ей можно было дать и сорок, и шестьдесят, и вечность. Волосы тёмные, с проседью, убраны под платок, руки спокойные, уверенные, перебирают нити, лицо простое, крестьянское, но глаза — тёмные, глубокие, они смотрели

прямо в душу.

— Здравствуй, Егор, — сказала женщина. Голос был низким, грудным, чуть хрипловатым. — Садись, в ногах правды нет.

Егор сел на лавку напротив.

— Вы Макошь? — спросил он.

— Я, — кивнула она. — Богиня судьбы, женского рукоделия, плодородия и всего, что растёт. И всего, что умирает, — добавила она после паузы, — тоже я. Ну как я, не я одна — дочки помогают: Доля и Недоля.

Егор молчал, не зная, что говорить. Макошь тоже молчала, продолжая прясть. Тишина затягивалась, становилась неловкой.

— Велес сказал, — наконец выдавил Егор, — что я должен учиться, что я наследник, последний в роду, я не понял до конца.

Макошь усмехнулась — тепло, по-матерински.

— Да, сила была у твоего рода всегда. Волхв Велимудр — слышал такое имя?

— Бабушка говорила. Я думал, это легенда.

— Легенда, — повторила Макошь. — Легенды — это то, во что перестали верить, то, что забыли, а забывать, Егор, нельзя, потому что, когда забывают прошлое, будущее становится слепым, — она отложила прялку и подалась вперёд. — У тебя внутри спит знание, знание твоего рода, твоих предков. Каждый из них что-то умел, что-то знал, что-то чувство-

вал, и всё это — в тебе, в твоей крови. Понимаешь?

— Понимаю, — соврал Егор. — И что мне делать?

— Будить, — Макошь встала и подошла к нему. В руках у неё оказался клубок — обычный с виду, шерстяной, красный. — Вот твоё первое задание, распутай.

— Клубок?

— Клубок, но не простой, в нём — судьба одного человека. Твоя задача — найти начало и конец, понять, где какие нити за что отвечают, где ошибка, а где — узор.

Егор взял клубок в руки, тот был тёплым и чуть пульсировал, как живой.

— И как я это сделаю? Я даже не знаю, чья это судьба.

— А ты почувствуй, — мягко сказала Макошь. — Ты же программист. Вы ведь ищете ошибки в чужом коде? Смотрите, где что не так, где логика сбоит?

— Ну да.

— Вот и тут так же. Только вместо кода — жизнь. Вместо багов — узлы судьбы. Начинай.

Егор уставился на клубок. Пять минут ничего не происходило.

— Я ничего не чувствую, — признался он. — Просто клубок.

— Не просто, — возразила Макошь. — Закрой глаза.

Егор закрыл.

— Дыши глубже.

Он вздохнул.

— Теперь вспомни что-нибудь из детства. Что-нибудь, связанное с бабушкой.

И тут Егора накрыло.

...Ему пять лет. Он сидит на полу в бабушкином доме, разбирает старые пуговицы. Бабушка рядом, гладит его по голове и что-то напевает. Песня странная, слова непонятные, но ему спокойно и хорошо. За окном лето, пахнет пирогами, и кажется, что так будет всегда...

...Ему двенадцать. Он приехал на каникулы, но ему скучно — друзья в городе, Интернета нет, компьютер старый. Бабушка зовёт его в лес за травами. Он идёт нехотя, бурчит под нос. Бабушка останавливается на поляне и говорит: «Смотри, Егорушка — вот здесь сила. Чувствуешь?» Он ничего не чувствует, кроме желания вернуться домой...

...Ему девятнадцать. Он уже в институте, приехал на похороны деда. Бабушка сидит на кухне, смотрит в окно. Он подходит, хочет сказать что-то утешительное. Она оборачивается и говорит: «Ты следующий, Егор. Ты не готов, но придётся». Он тогда подумал, что она бредит от горя...

Клубок в руках дёрнулся, и Егор открыл глаза. Перед ним была не просто нить. Он видел её — тянущуюся из клубка, переплетающуюся с другими, уходящую куда-то вдаль, и на ней были узлы: огромные, тёмные узлы, которые душили нить, не давали ей течь свободно.

— Вижу, — выдохнул он. — Я вижу узлы.

— Хорошо, — одобрила Макошь. — А теперь скажи, что

это за узлы.

Егор всмотрелся — и вдруг понял.

— Это... это моменты выбора. Когда человек сделал не то, когда испугался, когда предал себя, и каждый узел тянет за собой другие.

— Верно, а теперь попробуй распутать один, самый маленький.

Егор протянул руку, коснулся узла — и мир взорвался картинками.

Он увидел мужчину лет сорока, лысеющего, уставшего. Тот сидел в офисе допоздна, пил дешёвый кофе, смотрел на фотографию жены и дочери. Потом — ссора дома, крики, хлопанье дверью. Потом — он снова в офисе, снова кофе, снова фотография. Круг, замкнутый круг.

Узел — вот он. Момент, когда мужчина побоялся уйти с нелюбимой работы, побоялся, что не прокормит семью, побоялся начать своё дело, и теперь каждый день — маленькая смерть.

— Я не могу это распутать, — прошептал Егор. — Это его жизнь, его выбор.

— Ты можешь показать ему путь, — сказала Макошь. — Ты можешь дать ему знак, ты можешь чуть-чуть ослабить узел, чтобы у него появился шанс. Всё остальное — его дело. Твоя задача — не решать за людей, твоя задача — видеть, где им нужна помощь.

Егор снова коснулся узла и, сам не зная как, чуть-чуть по-

тянул одну нить. Узел дрогнул, ослаб, и по нити побежал золотой свет. Он открыл глаза: в руках у него был не клубок, а просто моток красных ниток.

— Всё? — спросил он хрипло.

— На сегодня всё, — Макошь улыбалась. — Молодец, Велес не ошибся, ты правда видишь.

— Я ничего не понимаю, — честно сказал Егор. — Я только что вмешался в чью-то жизнь. Я не знаю этого человека, я не знаю, правильно ли сделал.

— А ты узнаешь, — Макошь подошла к окну и указала куда-то вдаль. — Тот мужчина, которого ты видел, сейчас стоит на мосту в своём мире, в Яви. Он думает, прыгать или нет, а теперь в его голову придёт мысль — позвонить жене. Просто позвонить и сказать, что он её любит, и это его спасёт.

Егор молчал, переваривая услышанное.

— И так каждый раз? — спросил он наконец. — Я буду видеть чужие судьбы? Вмешиваться?

— Ты будешь учиться, — поправила Макошь. — Это только начало. Перун тебя драться учить не будет — не тот склад характера. Лада научит любить, Сварог — творить, Марена — принимать, а я — видеть, видеть суть. А теперь иди. Ждан тебя проводит, покажет, где спать. Завтра будет трудный день.

— Почему трудный? — спросил Егор, поднимаясь.

— Потому что завтра ты идёшь к Сварогу. А он, — Ма-

кошь усмехнулась, — терпеть не может, когда мало трудятся. Так что отдыхай, набирайся сил. И не вздумай в телефоне сидеть на ночь, — добавила она строго. — Я знаю, вы, молодые, всё в экраны пялитесь, а от этого глаза портятся и сны плохие снятся. Ложись спать, как стемнеет.

— У меня телефона нет, — растерянно сказал Егор. — Он там остался, в моём мире.

— Ну и славно, — кивнула Макошь. — Значит, выспишься впервые за много лет.

Егор вышел из избы и зажмурился — небо над лесом полыхало золотом, багрянцем и синью. Ждан сидел на траве и плёл венок из одуванчиков.

— Ну как? — спросил он, поднимая голову.

— Не знаю, — честно ответил Егор. — Кажется, я только что спас чью-то жизнь или не спас, или вмешался не в своё дело. Я вообще ничего не понимаю.

Ждан понимающе кивнул.

— Это нормально. Первый раз всегда так. Пойдём, провожу до гостевого терема. Там банька есть, кстати. Будешь завтра к Сварогу собираться — советую попариться, пропотеть. Он, когда от людей потом пахнет, добрее становится.

— Откуда ты знаешь?

— Домовой я, — улыбнулся Ждан. — Моё дело — знать, кому что нравится. Пошли.

Они пошли по тропинке вниз, к реке, над которой уже зажигались первые вечерние звёзды. Где-то за лесом всё ещё

громыхал Перун, но гроза стихала, уходила за горы.

Егор вдруг поймал себя на мысли, что впервые за долгое время не думает о работе, о дедлайнах, о багах в коде.

Он думал о нитях, о судьбах, о мужчине на мосту, который, возможно, прямо сейчас набирает номер жены, и о том, что завтра ему предстоит встреча с богом-кузнецом, который терпеть не может недоделанную работу.

— Ждан, — позвал он.

— А?

— А Сварог злой?

Ждан обернулся, и на лице его появилось выражение, которое Егор уже научился бояться, — смесь веселья, тайны и лёгкого сочувствия.

— Злой? Нет, Сварог не злой. Сварог — справедливый. Это гораздо хуже.

И, насвистывая какую-то древнюю мелодию, домовой зашагал дальше, оставляя Егора наедине с этой мыслью и миллионами звёзд над головой.

Глава 3. Кузница Сварога.

Егор проснулся от того, что кто-то настойчиво тряс его за плечо.

— Вставай, — голос Ждана звучал неестественно. — Сварог ждать не любит, а если ты опоздаешь, он может решить, что ты не уважаешь труд, и тогда всё — пиши пропало.

— Сколько времени? — простонал Егор, пытаясь нащупать телефон на тумбочке.

— Времени? — Ждан задумался. — Ну, солнце только встало, петухи пропели, роса ещё не высохла. Где-то час дня, по-вашему.

— Час дня — это когда солнце в зените, — автоматически поправил Егор. — А если оно только встало, значит, часов шесть утра.

— О, — Ждан восхищённо округлил глаза. — Считаешь? Мудрёно. У нас тут проще: встало — день, село — ночь, а ты, смотрю, уже местные порядки изучаешь, молодец. Давай поднимайся, баня готова.

Егор с трудом разлепил веки и сел. Комната, в которой он ночевал, оказалась точной копией вчерашней — деревянные стены, печь в углу, лавки, светящийся потолок. Только окна выходили на реку, и за ней действительно вставало солнце — огромное, золотое, оно медленно выползало из-за леса, окрашивая небо в розовый.

— Красиво, — признал Егор.

— А то, — довольно кивнул Ждан. — Правь всё-таки. У нас тут даже погода красивая. Ладно, давай, в баню — и к Сварогу. Я там на лавке одежду приготовил, твоя не подойдёт. В джинсах в кузницу нельзя — сгоришь.

Егор посмотрел на лавку. Там лежала льняная рубаха, порты, лапти... лапти?!

— Лапти? — переспросил он с ужасом.

— А что? — Ждан обиделся. — Удобно, ноги дышат, экологично. Наши предки не дураки были. Обувай давай, не вы-

делывайся, тут тебе не подиум.

Баня оказалась отдельной избушкой рядом с теремом. Внутри было жарко, пахло берёзой и мятой. Егор, никогда не бывший большим любителем парилок, честно посидел на полке, похлестал себя веником, облился водой и выскочил наружу, чувствуя себя странно обновлённым.

— Молодец, — похвалил Ждан, протягивая ему ковш с холодной водой. — Пей, а теперь одевайся и пошли. Путь неблизкий.

Одежда оказалась на удивление удобной. Льняная рубаха мягко облегала тело, порты не сковывали движений, а лапти... лапти и правда были ничего. Ноги в них дышали, идти было легко.

— Ну что, наследник, — Ждан хлопнул его по плечу, — готов к встрече с богом-кузнецом?

— Не готов, — честно сказал Егор. — Но пойдём.

Они шли через лес. Не такой, как в Яви: здесь деревья были выше, стволы толще, а листья переливались всеми оттенками зелени, золота и меди. Птицы пели так, что закладывало уши — но не больно, а приятно, будто кто-то настраивал огромный орган. В воздухе пахло цветами, мёдом и ещё чем-то, отчего кружилась голова.

— Это лес, — пояснил Ждан, заметив его состояние. — Просто лес, а ты привык к городскому воздуху. У вас там, в Яви, всё химией провоняло, а здесь — жизнь, чистая. Ты её телом принимаешь, вот и кружит, пройдёт.

— А долго идти? — спросил Егор.

— Часа три, если по-вашему, а если по-нашему — скоро.

Егор решил не уточнять. Они вышли на опушку, и Ждан остановился.

— Дальше я не пойду, — сказал он. — Сварог не любит, когда кто-то приходит без приглашения, а ты — по делу. Иди прямо, за холмом увидишь кузницу. И главное...

— Что?

— Не бойся. Он большой и страшный, но не злой, просто громкий и горячий. И ещё — он правду любит. Если спросит что-то — отвечай честно. Если врёшь, сразу видит, и тогда может в кузнице оставить подручным на пару столетий в воспитательных целях.

— Спасибо, утешил, — буркнул Егор и пошёл вперёд.

Кузница Сварога оказалась... горой, буквально. Егор обогнул холм и замер. Прямо перед ним возвышалась скала, в которую была врезана огромная арка. Из арки валил дым, вылетали искры, и доносился такой грохот, будто там одновременно работали тысяча отбойных молотков.

Егор перевёл дух и шагнул внутрь. Жар ударил в лицо, будто он сунул голову в открытую духовку. Егор закашлялся, зажмурился и сделал ещё шаг.

— Закрой дверь! — рявкнул голос, от которого заложило уши. — Тепло выпустишь!

Егор обернулся — никакой двери не было.

— Дверь закрой! — снова рявкнули. — Мысленно!

Егор мысленно представил, что арка закрывается. Грохот немного стих, жар стал терпимее. Он открыл глаза.

Кузница была огромной. Стены терялись где-то во тьме, освещаемой только отсветами горна. Сам горн занимал центр зала — гигантская каменная печь, из которой вырывалось пламя всех цветов радуги. Вокруг — наковальни, молоты, клещи, заготовки, и везде — люди.

Точнее, не люди, а существа. Они сновали между наковальнями, таскали раскалённый металл, били молотами. Некоторые были выше Егора раза в три, некоторые — по колено. Все сосредоточенные, молчаливые, деловитые.

— Стоять! — громыхнуло над ухом.

Егор подпрыгнул и обернулся. Позади него стоял великан, росту в нём было метра три, не меньше. Густая борода, перевитая медной проволокой, спускалась до пояса. Волосы — копна седых и чёрных косм — торчали в разные стороны. Ручищи толщиной с хорошее бревно были по локоть в саже. Одет великан был в кожаный фартук поверх такой же кожаной рубахи, а в руке держал молот размером с небольшой автомобиль.

— Сварог? — догадался Егор.

— А кто ж ещё? — прогудел великан. Он прищурился, разглядывая Егора, и вдруг ухмыльнулся. — Ну, здравствуй, наследник. Велес про тебя рассказывал. Говорит, умный, но дурной, городской. Верить ни во что не хочет. Так?

— Ну... — Егор замялся. — Я бы так не сказал.

— Врёшь, — добродушно сказал Сварог. — Ладно, это дело поправимое. У меня многие такими приходили, уходили — другими, пошли.

Он развернулся и зашагал вглубь кузницы. Егор, стараясь не отставать, потрусил следом.

Они прошли мимо десятков наковален. На одной ковали меч — лезвие уже приобретало форму, и по нему бежали золотые искры. На другой делали подкову — обычную, но от неё исходило такое тепло, что у Егора вспотели ладони. На третьей вообще творилось что-то странное: двое существ ростом с Егора колотили по куску металла, который... светился изнутри.

— Что это? — не удержался Егор.

— Звезду куём, — бросил Сварог, не оборачиваясь. — Новая на небо потребовалась, старая погасла.

— Звезду? — Егор остановился. — То есть... вы тут звёзды делаете?

— А ты думал, они сами зажигаются? — Сварог обернулся и посмотрел на него с любопытством. — Всему своё начало, парень. Звёзды, люди, боги — всё из одного горна. Просто у каждого свой срок. Пошли, не отвлекайся.

Они подошли к отдельной наковальне, стоящей чуть поодаль от остальных. На ней лежал кусок металла — бесформенный, тёмный, с рыжими пятнами ржавчины.

— Это твоё, — сказал Сварог.

— Моё? — Егор уставился на металл. — Я не понимаю.

— Это твой дар, — пояснил кузнец. — То, что внутри тебя спит, родовая сила, она сейчас вот такая — ржавая, бесформенная, ни на что негодная. Твоя задача — сделать из неё что-то путное. — Он протянул Егору молот. — Начинай.

Егор взял молот. Тот оказался тяжёлым, но не неподъёмным.

— И что делать?

— Ковать, — пожал плечами Сварог. — Чего ж ещё? Бери металл, бей, форму придавай.

— Какую форму?

— А какую хочешь. Это твой дар, тебе с ним жить. Хочешь — меч выкуй, хочешь — подкову, хочешь — гвоздь. Главное — не останавливайся, пока не поймёшь, что готово.

Егор посмотрел на бесформенный кусок металла, на молот в руке, на Сварога, который скрестил руки на груди и явно собирался наблюдать.

— А теория? — спросил он. — Инструкция? Руководство пользователя?

— Теория? — Сварог расхохотался. Грохот его смеха заглушил даже стук молотов в кузнице. — Теория, говорит! Слышали? Ему теорию подавай! — он вытер выступившие от смеха слёзы. — Слушай, наследник. Тут тебе не школа, тут кузница. В кузнице главное — делать. Ошибаться, пробовать снова, обжигаться, плакать от боли, но снова брать молот. Теория — это для тех, кто боится испачкаться, а ты уже испачкался. Вон, весь в саже, так что бери и бей.

Егор вздохнул, подошёл к наковальне и с размаху ударил молотом по металлу. Звон разнёсся по кузнице. Металл даже не шелохнулся.

— Слабо, — констатировал Сварог.

Егор ударил сильнее, металл чуть сплющился с одного края.

— Уже лучше, — одобрил кузнец. — Но не то. Ты не чувствуешь, ты просто бьёшь, а надо — чувствовать.

— Что чувствовать?

— Металл. Он живой, у него есть характер, нрав, память. Ты должен понять, чего он хочет, и помочь ему этим стать.

Егор замер, глядя на кусок металла.

— Как я пойму, чего он хочет, если это просто железка?

— Просто железка, — повторил Сварог задумчиво. — А ты закрой глаза и послушай.

Егор закрыл глаза.

— Нет, — усмехнулся Сварог, — не ушами: всем, кожей, нутром, душой. Слушай.

И Егор услышал. Сначала это был просто гул — такой же, как в кузнице. Потом гул стал тише, и сквозь него пробился звук: тонкий, жалобный, похожий на плач.

— Кто плачет? — спросил он.

— Ты плачешь, — ответил Сварог, — твой дар. Он взаперти сидит, не понимает, зачем он нужен. Дай ему форму — и плач прекратится, дай ему дело — и он запоёт.

Егор открыл глаза, снова взял молот и ударил. Удар вышел

каким-то другим: не сильнее, не слабее — но металл вдруг поддался, прогнулся, принял новую форму.

— О, — сказал Сварог, — пошло дело. Давай, не останавливайся.

Егор бил снова и снова. Металл под его ударами менялся — из бесформенного куска медленно, очень медленно начинала проступать какая-то форма.

Он не знал, что это будет. Может, и правда гвоздь, а может, меч, а может, вообще непонятно что, но с каждым ударом плач внутри становился тише, и вместо него появлялось что-то другое — тепло, радость, узнавание.

— Хорошо, — сказал Сварог через какое-то время. — Отдыхай.

Егор остановился, тяжело дыша. Руки дрожали от напряжения. Он посмотрел на то, что получилось. Это было нечто среднее между мечом и ложкой. Кривое, корявое, с одного края острое, с другого — тупое.

— Что это? — спросил он.

— А ты как думаешь? — усмехнулся Сварог.

— Не знаю. Ерунда какая-то.

— Это твоя первая работа, — сказал кузнец серьёзно. — Она некрасивая, неудобная, ни на что негодная, но это — твоя. Ты её сделал сам. Чувствуешь?

Егор взял изделие в руки. Оно было тёплым. И внутри действительно что-то откликалось — будто он держал не железку, а часть самого себя.

— Чувствую, — признал он.

— Это главное, — кивнул Сварог. — Научись чувствовать своё, а остальное придёт. Завтра придёшь — будем дальше ковать, послезавтра — тоже, и через год — тоже. А через десять лет, глядишь, что-то путное получится. Так у всех.

— Десять лет? — ужаснулся Егор.

— А ты думал, дар — это халява? — Сварог похлопал его по плечу так, что Егор чуть не упал. — Дар — это труд. Ежедневный, тяжёлый, до седьмого пота. И только тогда он становится счастьем. Иди, отдыхай, завтра продолжим.

Егор поплёлся к выходу, сжимая в руке кривое изделие.

— Эй, наследник, — окликнул его Сварог, — ты это... не теряй. Первая работа — самая важная.

Егор кивнул и вышел из кузницы. На улице уже вечерело. Ждан сидел на траве и плёл очередной венок.

— Ну как? — спросил он.

Егор молча показал ему изделие.

— Ого, — уважительно сказал домовой. — Ложкомеч! Класс. Я в первый раз вообще гвоздь кривой сделал, а у тебя сразу эксклюзив, молодец.

— Это уродство, — устало сказал Егор.

— Это твоё уродство, — поправил Ждан. — А значит, уже красивое. Пошли домой, я тебя кашей накормлю, а то завтра опять к Сварогу, а он после первого дня вообще зверь. Говорят, одного такого ученика заставил три дня без перерыва молотом махать, пока тот не понял, что металл любит ласку,

а не только силу.

— И понял?

— Понял. Теперь сам кузнец. Вон, у него звезду куёт, видел?

Егор вспомнил светящийся металл и существ, колотящих по нему.

— Видел.

— Ну вот, а ты говоришь — уродство. Всему своё время. Пошли, а то остынет каша, а каша у меня — пальчики оближешь.

Они пошли по тропинке обратно, и Егор вдруг поймал себя на мысли, что ложкомеч в его руке действительно тёплый и, кажется, чуть-чуть светится.

Глава 4. Тропа Лады.

Четвёртое утро в Прави встретило Егора запахом цветущих яблонь и птичьим гомоном за окном. Он открыл глаза и первым делом посмотрел на руки.

Ладони ещё помнили вчерашний день, второй день у Сварога. Мозоли, которые должны были болеть, почти зажили — Правь лечила быстро, но память о них осталась. О том, как он снова и снова бил молотом по металлу, как тот постепенно поддавался, как Сварог сначала хмурился, а к вечеру вдруг сказал: «Ну, теперь хотя бы ложкой есть можно, не порежешься. Прогресс».

Егор улыбнулся этому воспоминанию. Ложкомеч, который он держал в руках после первого дня работы, сегодня лежал на тумбочке уже почти красавцем — металл потемнел, края сгладились, и даже странная форма начала казаться не уродством, а... задумкой.

Душа тоже помнила. Помнила жар кузницы, тяжесть молота и то странное чувство, когда металл вдруг откликнулся. Будто не он его ковал, а они вместе что-то создавали.

— О чём задумался? — Ждан, как всегда, возник бесшумно.

— О Свароге, — честно ответил Егор. — Я всё думаю... чему он меня научил? Молотом махать? Металл гнуть? Это вроде не моё, я не кузнец.

— А ты у него спросил? — Ждан присел на лавку. — Чему научился-то? Сам подумай.

Егор задумался. Первый день. Бесформенный кусок металла, молот, который сначала не слушался, злость, раздражение, желание всё бросить, и тот момент, когда он вдруг услышал металл, тот самый плач внутри.

Второй день. Он уже не бил как попало, он чувствовал, каждый удар отдавался не только в руках, но и в груди. Металл менялся — и вместе с ним менялся он сам.

А в конце второго дня Сварог подошёл, взял его ложкомеч, повертел в руках и сказал:

— Теперь главное запомни: творение требует терпения. Ты пришёл сюда с мыслью, что всё делается быстро. Кнопку нажал — результат получил, а в жизни так не работает. Ничего настоящего не рождается быстро. Ни любовь, ни дело, ни судьба. Металл нужно ковать долго, себя — тоже. Ты не металл ковал, Егор, ты себя ковал.

— Себя? — переспросил тогда Егор.

— А ты думал, дар — это про магию? — Сварог усмехнулся. — Дар — это про то, кем ты становишься. Ты пришёл — бесформенный, как тот кусок железа: злой, дёрганый, всего боишься, а уходишь — уже человек. Кривой пока, корявый, но человек. Дальше сам дорабатывать себя будешь всю жизнь, каждый день по чуть-чуть.

— И больше я к вам не приду?

— А зачем? — Сварог пожал могучими плечами. — Глав-

ный урок ты взял. Остальное — практика, а практиковаться ты теперь сам можешь в своей жизни, в каждом деле, за которое возьмёшься. Твори — и точка, а если что не так — я здесь, всегда приду на помощь, но учить больше нечему. Ты понял главное: настоящее делается руками, сердцем и временем.

— Понял, — сказал Егор, возвращаясь в настоящее. Ждан всё ещё сидел на лавке и ждал ответа.

— Я понял, чему он меня научил, — медленно проговорил Егор. — Не молотом махать, а тому, что всё настоящее требует времени, и что я сам — тоже... заготовка, которую всю жизнь ковать надо.

— О, — Ждан расплылся в улыбке, — дошло, а то я уж думал, придётся объяснять.

— А сегодня куда?

— К Ладе, — Ждан почему-то вздохнул. — Тут, знаешь, сложный момент. Ты мужик, вроде нормальный, но городской, а Лада... она про другое: про любовь, про семью, про красоту. После Сварога это как из бани в прорубь, но надо.

— Думаешь, я про любовь ничего не знаю? — Егор усмехнулся. — У меня девушка была, две, даже три, если считать школу.

— Была, — подхватил Ждан. — А есть? Ты про трёх девушек говоришь, а сам вон какой... закрытый. Любовь — она не про количество, она про качество, про умение отдавать, про умение принимать, про то, чтобы видеть красивое в ми-

ре, а не только баги в коде и не только металл в кузнице. Лада это быстро проверит, так что готовься.

Егор хмыкнул, но спорить не стал. В конце концов, после Сварога он был готов ко всему.

Одежда сегодня была другой — та же льняная рубаха, но почему-то мягче, приятнее к телу, и лапти заменили на лёгкие кожаные сапожки.

— Лада велела, — пояснил Ждан. — Сказала, в лаптях к ней нельзя, потому что следы не те остаются. Не спрашивай, я не понял, но спорить не стал.

Тропа к Ладе вилась через цветущие луга. Если владения Макоши были уютными, домашними, а Сварога — суровыми и мощными, то здесь всё дышало нежностью. Высокие травы, в которых тонули тропинки, деревья, склоняющие ветви до самой земли, будто хотели обнять путника, и воздух — густой, сладкий, от которого кружилась голова, но совсем не так, как у Сварога. Там кружило от силы, здесь — от красоты.

— Ты иди, — сказал Ждан, останавливаясь у старой берёзы с ветвями, увитыми алыми лентами. — Я тут подожду. Дальше только по зову.

— А если она не позовёт?

— Позовёт, ты же её ученик теперь.

Егор шагнул под сень дуба и пошёл по тропинке, которая, казалось, сама стелилась под ноги.

Через десять минут ходьбы он вышел к озеру. Оно было

маленьким, круглым, идеально прозрачным — каждый камешек на дне просматривался так чётко, будто лежал не под водой, а на стеклянной витрине. По берегу росли кусты шиповника, усыпанные цветами, а на самой середине озера плавали два лебедя — белый и чёрный, голова к голове.

На берегу, на большом валуне, сидела женщина. Она была прекрасна. Егор, видевший в жизни много красивых девушек, вдруг понял, что не может подобрать слов. Это была не та красота, которую можно описать — длинные волосы, тонкая талия, правильные черты. Это была красота, от которой хотелось плакать и смеяться одновременно. Красота, в которой чувствовалась сама жизнь.

— Подойди, Егор, — сказала женщина. Голос её звучал как колокольчик — чисто и мягко.

Егор подошёл. Вблизи Лада оказалась совсем простой — обычные светлые волосы, заплетённые в косу, простой сарафан, босые ноги. Только глаза — зелёные, глубокие, с золотыми искрами — выдавали в ней нечеловеческую природу.

— Садись, — она указала на траву рядом с собой. — Не бойся, я не кусаюсь, в отличие от некоторых, — она улыбнулась, и улыбка её была как первый тёплый день после долгой зимы. Егор сел.

— Сварог сказал, ты хорошо справляешься, — начала Лада. — Макошь тоже довольна. Говорит, видишь нити, чувствуешь судьбу.

— Я не знаю, — честно ответил Егор. — Я просто делаю,

что говорят.

— Это правильно, — кивнула Лада. — В учении главное — доверие, а теперь скажи: что ты видишь?

Она обвела рукой вокруг — озеро, лебеди, цветущие кусты, небо, отражающееся в воде.

— Красоту, — сказал Егор.

— Это ты знаешь, — улыбнулась Лада. — Это все знают. А что ты чувствуешь?

Егор задумался.

— Спокойствие, — сказал он наконец. — Тихо как-то, хорошо.

— А ещё?

— Не знаю... — он помолчал. — В груди тепло, будто... будто я дома, хотя дома я такого никогда не чувствовал.

Лада кивнула, будто именно этого ответа и ждала.

— Теперь закрой глаза.

Егор закрыл.

— Вспомни самую красивую женщину, которую видел в жизни.

Егор послушно вспомнил. Актриса из какого-то фильма, фотомодель с рекламного щита, девушка из института, в которую он был влюблён на первом курсе.

— Открой.

Он открыл. Лада смотрела на него с лёгкой грустью.

— Это не красота, Егор. Это картинки, то, что тебе навязали, то, что считается красивым в твоём мире. А теперь за-

крой снова и вспомни ту, кого ты любил.

Егор зажмурился. Первой пришла мама: её руки, когда она гладила его по голове в детстве, её улыбка, когда он приносил из школы пятёрку, её морщинки у глаз, которые появлялись, когда она смеялась.

Потом бабушка. Её рассказы у печки, её сухие, тёплые ладони, её глаза — выцветшие, но такие родные.

Потом... потом Катя. Девушка, с которой он встречался на втором курсе. Он почти забыл её лицо, но вдруг вспомнил, как она смеялась — звонко, заливисто, до слёз, как они сидели на подоконнике в общаге и смотрели на звёзды, как она говорила, что верит в него больше, чем он сам.

Они были близки, но потом разошлись.

— Открой, — тихо сказала Лада.

Егор открыл глаза. По щеке текла слеза.

— Это, — сказала Лада, — красота, не та, что в картинках, та, что в сердце. Понимаешь?

— Кажется, да, — Егор вытер слезу, смущаясь.

— Не смущайся, — она коснулась его руки. — Плакать от красоты — не стыдно. Стыдно — не замечать её. А вы, люди нового мира, разучились замечать. Вы смотрите, но не видите, вы трогаете, но не чувствуете, вы живёте, но не радуетесь.

Она встала и подошла к воде. Лебеди подплыли ближе, ткнулись клювами в её ладони.

— Моё задание будет простым и сложным одновременно. Ты должен провести здесь день. Просто быть, смотреть

на воду, слушать птиц, чувствовать ветер. А вечером расскажешь мне, что увидел.

— И всё? — удивился Егор.

— Всё, — улыбнулась Лада. — Но поверь, для тебя это труднее, чем молотом махать. Ты привык всё время делать, а здесь нужно просто быть. Попробуй.

Она встала и пошла прочь, легко ступая босыми ногами по траве. Лебеди проводили её взглядами и снова поплыли к середине озера.

Егор остался один. Первые полчаса были пыткой. Он сидел на траве и не знал, куда себя деть. Руки просили телефона, мозг требовал информации, задач, проблем для решения. В голове крутились обрывки кода, беседы со Сварогом, воспоминания о разговоре с Макошью.

— Стоп, — сказал он вслух. — Я здесь, чтобы ничего не делать. Значит, буду ничего не делать.

Он лёг на траву и уставился в небо. Небо было синее-синее, с редкими белыми облаками. Облака плыли медленно, меняли форму. Одно было похоже на корабль, другое — на собаку, третье — вообще непонятно на что.

Егор смотрел на облака и вдруг поймал себя на мысли, что не помнит, когда в последний раз просто так лежал и смотрел в небо. В школе? В институте? Кажется, никогда. Всегда был чем-то занят.

Он перевёл взгляд на озеро. Лебеди плавали кругами, иногда ныряли, вытаскивая со дна какие-то водоросли. Во-

да была настолько прозрачной, что он видел рыб — золотистых, неторопливых. Они ходили стайками у самого берега.

Ветер чуть шевелил траву, и в этом шевелении был свой ритм — медленный, успокаивающий, как дыхание спящего великана. Егор не заметил, как провалился в полудрёму. Очнулся он от того, что кто-то ткнул его в бок.

Он открыл глаза и увидел прямо перед собой лебединую голову. Чёрный лебедь смотрел на него чёрным глазом-бусинкой и, кажется, был недоволен, что Егор занимает его берег.

— Извини, — сказал Егор. — Я, кажется, уснул.

Лебедь издал какой-то горловой звук, повернулся и важно зашагал к воде.

Егор сел и огляделся. Солнце заметно сместилось — было уже ближе к вечеру. Он проспал несколько часов. И, что странно, чувствовал себя отдохнувшим лучше, чем после любой ночи в своей квартире.

— Проснулся? — раздался голос за спиной.

Он обернулся. Лада сидела на том же валуне, где он её впервые увидел, и смотрела на него с улыбкой.

— Я уснул, — смутился Егор. — Простите.

— За что? — удивилась Лада. — Ты делал задание, ты просто был. Спал — тоже способ быть. Что ты видел?

— Сны, — сказал Егор и вдруг понял, что помнит их. Все. — Мне приснилась бабушка. Молодая, красивая. Она шла по полю и смеялась. Потом приснилась мама. Она плакала,

но не от горя — от радости. Потом... потом Катя. Моя бывшая девушка. Она держала за руку какого-то мужчину и улыбалась, и я почему-то не ревновал, а радовался за неё.

— Это хорошие сны, — кивнула Лада. — Это твоё сердце очищается. Ты отпускаешь то, что держал, ты принимаешь то, что было. Это и есть любовь — не держать, не требовать, а просто радоваться, что люди, которых ты любишь, счастливы, даже если не с тобой.

Она подошла ближе и села рядом на траву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.